

Конец «мужского клуба»

Дело Эпштейна теперь оказывает давление и на Кира Стармера. Пока что британский премьер остается у власти, но теряет авторитет.

Британская общественность до сих пор связывала имя Джеффри Эпштейна прежде всего с Эндрю Маунтбаттен-Виндзором, бывшим герцогом Йоркским, а не с премьер-министром сэром Киrom Стармером, который даже не фигурирует в материалах следствия. Тем не менее после публикации новых обвинений в адрес его бывшего посла в Вашингтоне Питера Мандельсона глава британского правительства оказался под сильным давлением. Образно говоря, ему пришлось расстаться со своей ферзью на шахматной доске.

С уходом Моргана Максуини пост покинул не только глава аппарата Даунинг-стрит, но и ближайший советник Стармера и руководитель его успешной предвыборной кампании 2024 года. В дальнейшем под удар попадут и другие фигуры, которых будет невозможно удержать из-за их связей с Питером Мандельсоном. Мандельсон – ветеран партии и давний друг немецкой социал-демократии – считался главным архитектором New Labour. Кроме того, он был соавтором документа Шредера-Блэра 1999 года, торговым комиссаром Европейского союза и министром экономики Великобритании при Гордоне Брауне. Многим его знакомым и друзьям, не только в Лондоне, придется отвечать на неприятные вопросы. Однако несмотря на его причастность к делу Эпштейна и вопреки совету своего тогдашнего министра иностранных дел Дэвида Лэмми, Кир Стармер сознательно отправил его в США.

Если лидер оппозиции Кемми Баденох считает своей прямой обязанностью потребовать отставки Стармера из-за его очевидной ошибки, многие депутаты правящей партии задаются вопросом, не хватило ли премьер-министру здравого смысла, или же, с их точки зрения, советники на Даунинг-стрит, действующие по принципу осадной ментальности, действительно могли быть настолько беспринципными. Ведь, по всей видимости, он предпочел предполагаемый политический успех от «очаровательной»

кампании в отношении Дональда Трампа высокому риску для собственного правительства. В обоих случаях Стармер должен дать объяснения.

Стармер, выглядящий уставшим от должности, решил продолжить работу только потому, что в противном случае Соединенное Королевство вновь погрузилось бы в кризис невиданного масштаба

Спустя всего несколько дней после признания Стармера в Палате общин в том, что он знал о продолжающихся деловых отношениях Мандельсона с Эпштейном, отставка Стармера считалась предрешенной. Но он снова смог ее избежать. При этом Стармер, выглядящий уставшим от должности, решил продолжить работу только потому, что в противном случае Соединенное Королевство вновь погрузилось бы в кризис невиданного масштаба. Слишком свежи в памяти годы Brexit, «Патигейт» Бориса Джонсона или бюджетный кризис Лиз Трасс. Насколько нестабильна ситуация в стране G7, британцы осознали летом этого года. Тогда британский фунт упал на биржах только потому, что министр финансов Ривз на короткое время потеряла самообладание в Палате общин и расплакалась. После пяти премьер-министров за десять лет Великобритании нужна стабильность, и она не может позволить себе еще один государственный кризис, который еще больше увеличил бы стоимость необходимого заимствования. Банкиры в лондонском Сити буквально боятся возможного нового сдвига правящей партии влево, из «объятий» которого Максуини и Стармер якобы только что с трудом ее вытащили.

В то время как лидер шотландской оппозиции Анас Сарвар, ведущий очень сложную предвыборную кампанию, уже дистанцировался от Стармера, кабинет в Лондоне поддержал своего главу. Из огромной фракции, насчитывающей 404 депутата, также раздавались успокаивающие и предупреждающие голоса. Проевропейски настроенные политики опасаются «перезагрузки» отношений с ЕС. Длительный период перестановок в кабинете может поставить под угрозу текущие переговоры с Комиссией. В министерствах иностранных дел и обороны настаивают на преемственности, чтобы лучше поддерживать Украину в важный

период текущих переговоров с Россией.

Прежде всего на карту поставлены интересы членов фракции, которые в своих округах в первую очередь отвечают за внутреннюю политику, а не за состав дипломатического корпуса. По их мнению, расследование, которое сейчас начинает Комитет по безопасности, приведет к оправданию Стармера. Пока что приверженцы *правого крыла* фракции *Blue Labour* ведут себя на удивление спокойно вокруг нового министра внутренних дел Шабаны Махмуд, известной как жесткий менеджер по вопросам миграции. Станет ли она третьей стороной в возможной борьбе за власть и преемничество между умеренным министром здравоохранения Уэсом Стритингом и бывшим министром труда Анджелой Рейнер, популярной среди левых профсоюзов?

Правительство Стармера пришло к власти с обещанием обеспечить прозрачность и надежность, но за несколько недель утратило доверие из-за отсутствия такта. В то же время оно страдает от серьезного кризиса доверия. Многие ошибочные решения Стармера указывают на определенную закономерность. Политические обозреватели даже предполагают наличие «вакуума» в центре правительства. Технократу Стармеру не хватает не только видения, политического проекта, но и политической проницательности. Он больше не в состоянии контролировать доминирующий нарратив или динамику в своем правительстве. У Стармера есть власть, но нет авторитета. Вместо того, чтобы использовать свое большинство в парламенте, оно становится для него обузой. В своеобразной «*WhatsAppification*» депутаты-лейбористы обмениваются мнениями в более чем 100 различных группах и постоянно оказывают программное давление на главу кабинета.

Стармер видел себя скорее инженером, который хотел починить «Broken Britain»

Ускорение политических процессов благодаря социальным сетям лишает премьер-министра дополнительной возможности контроля. В то время как Стармер сознательно пытался представить себя классическим политиком (которым он, как бывший генеральный прокурор, никогда не был), политики старой закалки испытывают трудности в этой новой реальности. Стармер видел себя скорее инженером, который хотел починить «*Broken Britain*». Теперь, когда этот проект невозможно реализовать в одночасье, он, образно говоря, остался голым. Депутаты

ничего ему не должны. Большинство из них представлены в Палате общин не из-за его личности или его проекта, а потому, что там больше не хотели видеть *тори*. Отсутствие харизмы у премьера сделало свое дело.

Не только дело Джеффри Эпштейна бросает длинную тень на Вестминстер. Теперь Стармер и Максуйни расплачиваются за то, что в основном не допустили смены поколений и посчитали, что вместо этого нужно полагаться на старые кадры времен Тони Блэра. Было назначено очень мало новых советников, и, что особенно важно, среди них было очень мало женщин. Дело Питера Мандельсона, таким образом, является также символом внутрипартийной борьбы за власть, которая до сих пор бушует в *Лейбористской партии* между более правыми *блэристами* и представителями так называемого *мягкого левого крыла (Soft Left)*. Оно также поднимает вопросы о том, было ли вообще в самом центре власти печально известного «мужского клуба» на Даунинг-стрит какое-либо понимание проблемы дискриминации и насилия в отношении женщин. Скорее всего, никого по-настоящему не интересовало, что дело Эпштейна значило для пострадавших.

Стратегический ход в отношении Дональда Трампа, которым стало назначение Мандельсона, казался просто более важным, более значимым. И поэтому обвинения обрушиваются на премьер-министра, который, как никто другой до него, прославился первой национальной стратегией по борьбе с насилием в отношении женщин и пропагандирует показ сериала *Adolescence* в английских школах. Это не уменьшает разрыв в доверии. Теперь, когда его главная фигура покинула поле, Стармер еще не в мате, но еще один неверный ход, и партия окончена.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Мишель Ауга

Лондон

Мишель Ауга (Michèle Auga) возглавляет Представительство Фонда им. Фридриха Эберта в Великобритании. До этого она руководила отделом Западной Европы и Северной Америки Фонда в Берлине, возглавляла бюро Фонда в Нью-Йорке и отдел Африки в главном офисе. Кроме того, она работала в зарубежных представительствах Фонда в Южной Африке, Мали и Палестинской автономной области.

